

DOI: 10.31857/S0130386424060034

© 2024 г. **К.А. ПАНЧЕНКО****РОССИЙСКАЯ МИССИЯ В СТАМБУЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1740-х годов:
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ**

Панченко Константин Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: const969@gmail.com

Scopus Author ID: 57190410154; ORCID: 0000-0003-4155-5187; Researcher ID: KBF-2827-2024

Аннотация. Статья рассматривает различные аспекты повседневного быта российского дипломатического представительства в Стамбуле в середине XVIII в. Восточное направление российской дипломатии петровской и постпетровской эпох относится к числу наименее изученных сюжетов международных отношений Российской империи. При этом в фокусе внимания исследователей естественным образом оказываются политические проблемы, и остается за кадром тема повседневной жизни персонала миссии — его численность и состав, расходы на содержание, материальная культура и питание. Неопубликованные документы Архива внешней политики Российской империи содержат уникальную информацию по многим из этих аспектов по состоянию на конец лета — осень 1745 г. После внезапной кончины резидента Алексея Вешнякова 29 июля 1745 г. его помощники, вставшие во главе миссии, опасались оказаться обвиненными в расхищении казенного имущества диппредставительства. Это побудило их составить детальную опись всех материальных ценностей, находившихся в миссии и загородной посольской резиденции, а также вести скрупулезные подсчеты ежедневных расходов на питание персонала, насчитывавшего в тот момент 42 человека, из которых 16 были членами семьи и слугами покойного резидента. Подобные сюжеты, как правило, не отражались в посольской документации, однако чрезвычайные обстоятельства, сложившиеся в результате смерти А. Вешнякова, предоставили ученым возможность прикоснуться ко многим сторонам повседневной жизни русской колонии Стамбула.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, XVIII в., дипломатия, российское посольство в Стамбуле, повседневная жизнь.

C.A. Panchenko**The Russian Mission in Istanbul in the mid-1740s: Everyday Life**

Constantin Panchenko, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: const969@gmail.com

Scopus Author ID: 57190410154; ORCID: 0000-0003-4155-5187; Researcher ID: KBF-2827-2024

Abstract. In the article, the author examines the daily activities of the Russian embassy in Istanbul during the mid-18th century. The eastern orientation of Russian diplomatic efforts during the era of

Peter the Great and his successors represents a relatively understudied aspect of the foreign policy of the Russian Empire. Furthermore, the focus of researchers is understandably on political issues, while the everyday reality of embassy staff – including the actual number of personnel, their individual personalities, maintenance costs, material culture and food – is overlooked. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire contains a wealth of hitherto unpublished documents that shed light on a number of subjects from the late summer and autumn of 1745. Following the unexpected passing of the Russian resident (the head of the embassy), Alexey Veshniakov, on 29 July 1745, his deputies, who had assumed the role of senior representatives of the Russian Mission, were concerned about the potential allegations of misappropriation of state-owned assets. It compelled them to meticulously catalogue all items stored within the mission, in addition to maintaining comprehensive records of the daily expenditure incurred for food supplies for a total staff complement of 42 individuals, including the family and domestic personnel of the late resident (16 persons). It would be fair to say that such matters are rarely addressed in diplomatic missives. However, the exceptional circumstances following the demise of Alexey Veshniakov provided scholars with the opportunity to reconstruct certain aspects of the daily life of the Russian colony in Istanbul.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, eighteenth century, diplomacy, Russian embassy in Istanbul, daily life.

РУССКИЕ В СТАМБУЛЕ В XVIII веке – РАКУРСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые десятилетия российского дипломатического присутствия в османской столице оставили о себе значительный пласт документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи и еще должным образом не обработанных. Они таят массу открытий, касающихся самых разных сторон российско-османских отношений, прежде всего, разведывательной деятельности отечественных дипломатических представителей в Стамбуле¹, проблем обмена военнопленными, оставшимися в неволе после прежних русско-турецких войн, оценок российскими наблюдателями текущего состояния дел в Османской империи и ее дальнейших политических перспектив. Наряду с этими направлениями исследований² источники позволяют реконструировать ряд сюжетов микро-истории, прежде всего некоторые черты повседневной жизни российской дипломатической миссии. Мы можем прикоснуться к тому, что называют материальной культурой – как в целом османского общества середины XVIII в., так и маленькой русской колонии в Стамбуле.

Конечно же, в реляциях резидентов, составляющих основной объем дипломатической корреспонденции, подобные вопросы почти не затрагиваются. Исторические источники, как правило, не склонны обращать внимание на сюжеты повседневной жизни. Однако на руку будущим исследователям сыграло печальное обстоятельство: внезапная кончина 29 июля 1745 г. российского резидента в Стамбуле Алексея Вешнякова. Его помощники – поручик Алексей Обресков и переводчик Александр Пини – во избежание обвинений в расхищении казенного имущества миссии составили детальную опись всех материальных ценностей, находившихся в здании миссии и загородной посольской резиденции в селении Терапия

¹ Постоянными российскими дипломатическими представителями в Османской империи в первой половине XVIII в. являлись Петр Андреевич Толстой (1645–1729), посол в 1702–1713 гг.; Алексей Иванович Дашков (ум. 1733), посланник в 1720–1721 гг.; Иван Иванович Неплюев (1693–1773), резидент в 1722–1735 гг.; Алексей Андреевич Вешняков (1700–1745), резидент в 1734–1736 и 1739–1745 гг.; Адриан Иванович Неплюев (1712–1751), резидент в 1746–1751 гг.; Алексей Михайлович Обресков (1720–1787), резидент в 1751–1768 гг. Наряду с ними в Стамбуле периодически работали дипломаты более высокого ранга, как вице-канцлер Петр Павлович Шафиров в 1711–1714 гг., чрезвычайный посланник А. Румянцев в 1724–1726 гг., он же в ранге чрезвычайного посла в 1740–1742 гг.

² См. в частности, о российской дипломатии на Босфоре в середине XVIII в.: Панченко К.А. «Приятели наш мулла». Русская разведка в Османской империи в середине XVIII века // Родина. 2011. № 12. С. 73–77; *Его же*. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766 г.) и Россия. Непонятый союзник // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 406–423; *Его же*. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008

под Стамбулом. Помимо материальной ответственности, преемники А. Вешнякова столкнулись с финансовыми трудностями: по их утверждениям, «в казне не толико многого числа, но ниже десяти рублей не осталось»³, так что возникли проблемы даже с достойным погребением усопшего. Для удовлетворения самых необходимых нужд миссии Обресков и Пини сделали заем в 5 тыс. левков⁴ у австрийского дипломатического резидента, после чего вели скрупулезные отчеты о расходовании этих денег⁵. Тратились они главным образом на то, чтобы «довольствоваться пропитанием» служащих, что позволяет судить как о структуре питания, так и о ценах на продукты в Стамбуле конца лета — осени 1745 г.

КАК ЖИЛИ РОССИЙСКИЕ РЕЗИДЕНТЫ

Рапорт А. Обрескова и А. Пини от 15 августа 1745 г. скрупулезно перечисляет имущество дипломатического представительства. Центральное место в отчете занимает серебряный сервиз на десятки персон с точным указанием состава и веса посуды, а также степени сохранности предметов. Так, в рапорте фигурируют 30 ложек серебряных, 29 ножей серебряных, в том числе три с отломленными лезвиями, 17 вилок серебряных трехконечных и 12 только с серебряными черенками и т. д.⁶ Все это было оставлено в миссии послом А. Румянцевым по отбытии из Стамбула в 1742 г. Он же оставил 11 скатертей и девять дюжин салфеток, но, как указывала опись, «все изодрались, ни куды ни годятся»⁷. Из ценной мебели упоминались три зеркала средней величины с позолоченными рамами, десять позолоченных кресел с зелеными покрывками, четыре «простых» кресла, 20 стульев («многие изломаны») ⁸.

С особой тщательностью было описано содержание кладовой («магазина»), где хранилась пушнина: рысей — 40, волков — восемь, барсов — 12, медведей белых — восемь и т. д. Большую часть мехов составляли лисьи шкуры («мех лисий хрептовый красный») ⁹. Также в резиденции наличествовало 14 пудов 10 фунтов ревеня, 34 фунта 48 золотников зеленого чая и 10 фунтов черного ¹⁰.

Пушнина выступала «мягкой валютой» того времени. Именно мехами резидент одаривал своих осведомителей и других османских сановников, с которыми рассчитывал установить дружеские отношения. Как писал А. Вешняков про одного из своих османских агентов, алима Али-эфенди, именуемого в посольской документации «приятель наш мулла», «он корыстным себя показал, что есть начальнейшее свойство всякого турка, с салтана начав до последнего. Сам Перизаде ¹¹ не постыдился бы принять одной пары соболей, не толико б большего чего» ¹². В другой ситуации А. Пини был приглашен Али-эфенди для политических

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 35. При цитировании архивных документов восстановлены «ъ», «й» и знаки препинания.

⁴ Базовым денежным эквивалентом в финансовых расчетах выступала западноевропейская золотая монета высокой пробы (как правило, голландские дукаты), именуемая в русских источниках «червонный» («большой» или «христианский червонный»). Курс рубля по отношению к нему несколько колебался, составляя 210—225 руб. за 100 червонных. Османская серебряная монета левков (именуемая также пиастром или курушем) на протяжении XVI—XVIII вв. стремительно обесценивалась. В 1740-е годы за 100 червонных давали 366 левков и 26 2/3 пара (мелкая османская монета, 1/40 левка). Таким образом, соотношение рубля и левка на тот период составляло 1:1,8. Об этом же см. подробнее: *Мейер М.С.* О состоянии денежной системы Османской империи (по донесениям А.А. Вешнякова) // Восточное историческое источниковедение. Вып. 2 / под ред. В.В. Волгина. М., 1994. С. 248—261. См. также об османских денежных и весовых единицах: Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы / сост., пер. и комм. А.С. Тверитиновой. М., 1963. С. 79, 193, 200, 204—212.

⁵ АВПРИ. Ф. 89/1. 1742 г. № 33. Л. 31—34 об.

⁶ Там же. 1745 г. № 6. Л. 66.

⁷ Там же. Л. 66 об.

⁸ Там же. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 66 об.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Имеется в виду один из высших османских сановников Пиризаде Мехмет Сахиб-эфенди (1674—1749), шейх-уль-ислам в 1745—1746 гг.

¹² АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 129—129 об.

консультаций, «а чтоб не с пустыми руками быть», мулле был послан в подарок лисий красный мех ценой ок. 150 левков, «которой, с крайним благодарением приняв, мерил по шубе своей, но нашед малым, не обвиняясь, просил добавки, а по извинении Пинием, что иного нет, сказал, что оставит до будущей зимы, яко де тогда и харему его будет нужна обнов...»¹³.

Чай тоже мог выступать в качестве подарка, но исключительно символического — он предназначался для греческих церковных иерархов, сообщавших резиденту секретную политическую информацию бесплатно, чисто из православной солидарности. Как писал об этих людях в 1747 г. резидент А. Неплюев, «хотя знакомство с ними и продолжается, и они временно малые вести сказывают, но им ничего знатного не дано, и дружба содержится без дальняго убытку чаем, ревенем и тому подобным...»¹⁴.

Возвращаясь к описи «магазина», следует отметить хранившиеся в другом сундуке 11 кафтанов и камзолов (в каждом случае подробно описывалась расцветка и декор — «кафтан поношенной, бархатной, малинного шелка, подбитый горностаем») и туфли, шитые серебром. В другой кладовой камере было складировано менее ценное имущество — упряжь, кожи, свечи, посуда¹⁵.

В спальне находились «постеля китайская», шпага с серебряным эфесом, кофейник фарфоровый, пять чайных чашек с блюдечками, три блюда японского зеленого фарфора, зеркало с позолоченной рамкой. Там же стоял шкаф венецианской работы с чарками, уборный столик и «застав» (видимо, ширма. — К.П.), «расписан с географическими картами»¹⁶.

Так же описывались комната за комнатой — в «красной камере» подушки, паникадило и др., в «аудиенц камере» — подсвечники, столики, подушки и т.д. В резиденции имелась художественная галерея с десятью полотнами неаполитанской работы и девятью меньшими картинами того же происхождения. «Кабинет господина резидента им заперт, а нами запечатан, — доносили А. Обресков и А. Пини, — но сколько мы при жизни его видели, там ничего не находится, кроме одного шкафа Агленской работы, такожде множество книг и писем»¹⁷.

Подобная же опись была составлена в загородной посольской резиденции в Терапии. Здесь, помимо ящиков с письмами, также фигурировал «сундук с платьем», где хранились кафтаны, штаны и прочая одежда. Для холодного времени имелись два тулупа, крытых сукном, и епанча серого немецкого сукна с золотым позументом. Отдельно упоминались шляпа, трость, серебряные шпоры, 15 париков. Рубахи делились по критерию стоимости на тонкие с кружевами (их было две), голландские (шесть) и турецкого полотна (десять). Гардероб резидента дополняли 12 фуфаяк, шесть пар шелковых чулков различных цветов, 14 пар исподних нитяных чулков, полтора десятка белых спальных колпаков, десять хлопчатобумажных платков голландской работы, шесть шелковых носовых платков и восемь галстуков¹⁸.

Примечательно, что в резиденции имелось оружие — два пистолета с кобурой для кавалерийского седла и пять фузей. Картинная галерея, похоже, считалась такой же обязательной частью загородного жилища, как и посольского дома в Стамбуле — опись называет 25 картин в золотых и черных рамах. Была и библиотека, но составители рапорта, к сожалению, не взяли на себя труд указать заглавия книг. Обресков и Пини выделили из них лишь географический атлас, прочие же книги описали, исходя из формата: «в десть» (видимо, in folio) — 11, «в полдесть» — 3, в четверть и одну восьмую долю — 54, всего — 69¹⁹.

Надо сказать, книги хранились там не просто для украшения. Алексей Вешняков, судя по его реляциям, представляется достаточно образованным человеком, знакомым и с историей Византии, и с европейской географией, политикой и недавним прошлым, в том числе

¹³ Там же. Л. 368.

¹⁴ Выписка о тайных российскому двору в Константинополе приятелях и о назначении им денежных пенсий // АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 15.

¹⁵ АВПРИ. 1745 г. № 6. Л. 72а.

¹⁶ Там же. Л. 72а об.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Там же. Л. 73 об.—74.

¹⁹ Там же. Л. 73 об.

таких стран, которые не могли представлять прямого интереса для резидента в Стамбуле. Даже за день до смерти, по свидетельству своих сотрудников, Вешняков, почувствовав облегчение от болезни, «ходил по каморе многое время и книгу читал»²⁰.

Помимо одежды, книг и картин, в опись вошли серебряная столовая посуда, кухонная посуда, поделенная на медную (котлы, кастрюли, крышки, ложки), железную (вертела, таганы, жаровни), оловянную (блюда, тарелки), «порселиновую» (фарфоровую) — 24 синих тарелки, 10 красных, 2 салатницы; наконец, «муравленную венецкую» — блюда круглые и овальные, горшки, тарелки²¹.

Отдельным блоком шла мебель — стулья, кресла, «шкаф высокий», «три стола картошные, обитые зеленым сукном», два складных стола, софы, кровати с занавесом²². Замыкали опись конская упряжь, ливрея и список лошадей, принадлежавших дипломатической миссии, — два жеребца, два мерина, две старые колясочные лошади²³.

При знакомстве с описью посольского имущества бросаются в глаза признаки неблагодарности — драные скатерти, ломаная мебель и столовые приборы, поношенный кафтан. Очевидно, что финансовое обеспечение миссии оставляло желать лучшего.

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Назвать точную сумму, ежегодно уходившую на содержание миссии в Константинополе, пока не представляется возможным. Эта сумма складывалась из нескольких статей расходов, но не все они поддаются подсчету. Значительные средства шли на выплаты тайным политическим агентам. В 1747 г. на это было потрачено 2800 руб.²⁴ Официальное годовое жалованье членам миссии на момент смерти А. Вешнякова составляло в совокупности 3798 руб. Впрочем, эта цифра не имела ничего общего с реальностью — жалованье не выплачивалось годами, особенно низкостатусным сотрудникам, таким как малолетние ученики переводческих дел. Еще 29 июня 1745 г. в письме канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину руководство миссии жаловалось на перебои с финансированием, сообщая, что многие сотрудники не получили содержание за 1744 г., а некоторые — и за 1743 г.²⁵ Похоже, это была неизбывная проблема российского внешнеполитического ведомства петровской и постпетровской эпохи.

Ситуация вынуждала руководство миссии держать «публичный стол», т.е. централизованно, за казенный счет обеспечивать питание персонала. Сколько на это тратилось денег — остается неясным²⁶. После смерти А. Вешнякова его помощник А. Обресков, ответственный за учет казенных затрат, жаловался начальству, что не получил от резидента шнурованную книгу и ордера, по которым должны были производиться выплаты, «хотя о сем многократно почти со слезами прашивал» усопшего. В результате документация за два прошедших года не была оформлена должным образом, что Обресков «рабски» просил не ставить ему в вину²⁷.

Сам А. Вешняков неоднократно сталкивался с проблемой отсутствия свободных денег для срочных выплат своим тайным осведомителям или агентам влияния. Это вынуждало его брать займы, как, например, в феврале 1745 г., когда он позаимствовал, как кажется, у дипломатического представителя Голландии 12 тыс. левков (18 тыс. гульденов), выдав вексель на имя российского посла в этой стране А.Г. Головкина. Хотя векселей давать было не велено, резидент писал, что уповает «всемилоштивейшего милосердствования

²⁰ Там же. Л. 19 об.

²¹ Там же. Л. 74–75.

²² Там же. Л. 75.

²³ Там же. Л. 75 об.

²⁴ АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 16 об.

²⁵ Там же. № 5. Л. 290.

²⁶ В какой-то мере об этих расходах дает представление перечень «партикулярных» долгов миссии (см. ниже).

²⁷ АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 29–29 об.

в рассуждении сей крайней нужды»²⁸. Там же он жаловался на греческих банкиров, отказывавших ему в ссудах. Возможно, греки питали сомнения в кредитоспособности российского резидента, обремененного долгами.

Действительно, после кончины А. Вешнякова его помощники представили счет казенным долгам, «висевшим» на миссии, — они составили внушительную сумму 34 700 левков 58 аспр²⁹. В перечне заимодавцев выделяется Смирнский митрополит — не размерами долга, но связанной с ним историей. Этот греческий иерарх в 1742 г. принимал участие в сборе и возвращении на родину русских военнопленных. Более трех месяцев он содержал в своем монастыре 32 освобожденных солдат, которых, снабдив провизией, затем отправил в Стамбул в российскую миссию. Митрополит ничего не просил за содержание пленных, кроме выплаты 70 левков капитану («реизу») того корабля, который доставил их в османскую столицу. Как сообщает источник, архиерей «о заплате оному Реизу от господина Вешнякова был обнадежен; однако ж за неимением денег и поныне не отдано»³⁰. Случай более чем симптоматичный — в течение трех лет дипломатическое представительство не смогло изыскать 70 левков для оплаты греческим единоверцам за помощь в возвращении русских пленных.

Помимо «казенных» долгов, в документации был представлен и счет долгам «партикулярным» — похоже, речь шла о расходах на питание персонала миссии, которые по идее должны были покрываться из жалования сотрудников. В частности, перечислялись долги рыбнику греку Василию (1062 левка 45 аспр), хлебнику французу (560 левков), двум птичникам-грекам (848 и 595 левков), турку-мяснику за говядину (287 левков), другому — за баранину (377 левков), угольнику Мимиш-баше за уголья (134 левка), «одному греку за свиное мясо» (150 левков), другому греку за молоко (25 левков), «агленскому переводчику Монск за вино» (233 левка), «одному турку за сахар и кофе» (39 левков) и т.д. Общая сумма составляла 12 567 левков³¹.

Из этого перечня можно составить лишь самое общее преставление о структуре питания и вкусовых предпочтениях русских в Стамбуле. Подробнее эта тема будет рассмотрена ниже, там, где пойдет речь о ежедневных расходах на питание персонала миссии.

СОСТАВ РУССКОЙ КОЛОНИИ

А. Обресков и А. Пини, возглавившие российское диппредставительство после смерти А. Вешнякова (вплоть до официального назначения на должность резидента Адриана Неплюева в 1746 г.), должны были как-то содержать около полусотни человек, связанных с миссией. Эти люди делятся на две неравные группы — с одной стороны, семья и челядь покойного резидента, общим числом 16 человек, и, с другой — персонал миссии, насчитывавший 26 человек.

В первую группу входили вдова А. Вешнякова, двое ее малолетних детей (в ряде документов указано, что их было трое), некая «родственница», камердинерша, камердинер, кормилица, «одна при ней баба», «одна старуха», «одна девка», два лакея, «один чегодарь, который кофе варит», конюх и две портмои³². Видно, что резидента и его жену сопровождала в Стамбул целая толпа слуг и приживалок. Супруга А. Вешнякова, согласно дипломатическому этикету, вела активную светскую жизнь, участвуя в приемах и обедах, обменах визитами с другими иностранными дипломатами в Стамбуле. Иногда эти протокольные поездки она совершала даже одна, в силу занятости или нездоровья своего супруга³³.

Собственно, персонал миссии тоже можно разделить на несколько групп. Во-первых, это «элита» — переводчик Алессандро Пини (видимо, левантиец с итальянскими корнями),

²⁸ Там же. № 4. Л. 196—196 об.

²⁹ Там же. № 6. Л. 70.

³⁰ Там же. Л. 68 об.—69.

³¹ Там же. Л. 71.

³² Там же. Л. 220.

³³ См., например: Там же. Л. 19.

получавший годовое жалованье 680 руб., «правая рука» резидента Вешнякова, и поручик Алексей Обресков, довольствовавшийся куда более скромным жалованьем в 260 руб.

Особую группу составляло духовенство — иеромонах Иосиф Краснянский, исполнявший обязанности капеллана посольской церкви (с годовым жалованьем 200 руб.), иеромонах Игнатий Часовиков (ему причиталось 100 руб. в год), являвшийся одновременно учителем при миссии, и монах Захарий, служивший пономарем за 24 руб.³⁴ Нельзя не вспомнить в этой связи великого путешественника Василия Григоровича-Барского, который в 1743 г. (после долгих странствий) на какое-то время осел при миссии. Алексей Вешняков хотел сделать его капелланом при посольской церкви, но неугомонный бродяга отпросился у него на богомолье на Афон, где провел следующие несколько лет³⁵, поэтому в списках персонала миссии 1745 г. он не значится.

Следующая большая и разнородная группа — это «переводческих дел ученики». Трое из них, получавшие по 200 руб. жалованья, занимали привилегированное положение. Это Николай Буйди, тоже итальянского происхождения; племянник покойного резидента Николай Вешняков и некий Вилим (?) Дандри³⁶. В посольской документации первый из них фигурирует настолько регулярно, что складывается впечатление, что именно он (наряду с руководством миссии) и выполнял львиную долю работы, возможно, потому, что, в отличие от других, владел языками на нужном уровне.

Николай Вешняков появляется в источниках только после смерти своего дяди-резидента, когда начинает писать письма в Коллегию иностранных дел и лично Адриану Неплюеву, будущему преемнику А. Вешнякова на посту руководителя миссии, с просьбами о покровительстве и разрешении вернуться в Россию вместе с вдовой резидента и ее детьми, о которых больше некому позаботиться. Николай также просил А. Неплюева о «милостивом призрении» своего младшего брата Федора, учившегося в Кадетском корпусе³⁷. В этих письмах упоминается, что Николай Вешняков был отправлен в Стамбул в ноябре 1742 г. с грузом «мягкой рухляди» как «переводческих дел ученик по языкам турецкому, арабскому, персидскому и прочим»³⁸. Обращает на себя внимание клановость российского дипломатического корпуса. Резидент А. Вешняков выписывает к себе в Стамбул племянника на должность с высоким жалованьем. Другого племянника препоручают покровительству А. Неплюева и, видимо, тоже прочат ему дипломатическую карьеру. Сам Адриан Неплюев был сыном прежнего российского резидента в Стамбуле Ивана Неплюева, когда-то бывшего непосредственным начальником А. Вешнякова. Такие примеры можно множить долго.

Возвращаясь к перечню учеников переводческих дел, следует назвать студента Петра Щукина, «управлявшего канцелярскую должность», и Петра Воронина — обоим было назначено жалованье по 180 руб.³⁹ В этой связи можно вспомнить, что А. Вешняков в письме к канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину от 5 июля 1745 г. сообщал, что ученики переводческого дела, направленные в миссию для изучения турецкого и, по возможности, арабского и персидского, а также европейских языков, сильно загружены канцелярской работой и от изучения восточных языков освобождены⁴⁰.

В конце списка идут малолетние низкооплачиваемые ученики, которым, как уже говорилось, хронически не присылали жалованья: Иван Фотеев (100 руб.), Василий Рубанов, Иван Адверков, Симеон Дементиев, Василий Пастушков (жалованье в диапазоне 42–80 руб.)⁴¹.

³⁴ Там же. Л. 100, 220 об.

³⁵ Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 37–38.

³⁶ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 100, 220 об.

³⁷ Там же. Л. 26–26 об.

³⁸ Там же. Л. 56–56 об.

³⁹ Там же. Л. 100, 220 об.

⁴⁰ Там же. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 100, 220 об.

Среди учеников обращает на себя внимание Иван Марини, хотя и получавший небольшой оклад в 50 руб., но, похоже, бывший на особом счету. Судя по всему, это был сын или какой-то другой родственник рагузинца Андрея Магрини (ум. после 1742 г.), многие годы состоявшего на российской службе и во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. возглавлявшего разведывательную деятельность на территории Османской империи. Он считался исключительно ценным агентом и в начале 1740-х годов получал годовое жалованье в 1 тыс. левков⁴². Разницу в написании имени («Марини» — «Магрини») вполне можно объяснить ошибкой писца, со слуха воспроизводившего незнакомое слово. Это подтверждается тем, что среди лиц, в 1745 г. получавших от миссии казенные выплаты, числится некая вдова по имени Люция Марини с солидной пенсией в 360 руб.⁴³ Скорее всего, речь идет о вдове Андрея Магрини. Таким образом, их сын тоже был принят в штат миссии в Стамбуле в память о заслугах отца.

Следующую группу персонала составляли достаточно разнородные и зачастую неожиданные люди. Как ходжа Мегмет Эфенди с жалованьем в 180 руб. За что он получал деньги, в документах не указано, однако можно предположить, что его функции были аналогичны обязанностям другого сотрудника — неназванного по имени «армянского попа» с окладом 120 руб., который учил молодых учеников латинскому и итальянскому языкам, арифметике и геометрии. Возможно, Мегмет Эфенди подобным же образом преподавал турецкий и другие восточные языки⁴⁴. Вахмистр Соловков, видимо, был приставлен для поддержания внутреннего порядка. Вслед за ним в списке идет некий Филипп Добышенской. Не указано ни его жалованье, ни род деятельности, однако он явно не относился к обслуге — эти люди проходят в документах безымянными. Так, среди персонала миссии упоминается повар, и лишь в другом месте случайно всплывает его имя — Федор⁴⁵. Также перечислены привратник, один невольник на поварне, другой «в официи моет тарелки», слуга поручика Обрескова и слуга Николая Вешнякова⁴⁶.

Кроме того, казенное жалованье полагалось еще нескольким лицам, не входившим в штат диппредставительства. Помимо упомянутой вдовы Люции Марини, это был врач Франциск Кастелли, «германского и российского народов допущенный доктор»⁴⁷, с жалованьем 210 руб., лекарь Стефанелий (150 руб.) и ходжа Али Эфенди, «который служит за писаря», видимо, для составления документов на османском языке (90 руб.)⁴⁸.

Не вполне ясен вопрос, кто осуществлял охрану миссии и сопровождение посла во время официальных выездов. Похоже, эти функции выполняли янычары, приставленные от Высокой Порты и не получавшие российского жалованья. Тем не менее они иногда мельком появляются в посольской документации. Так, в перечне расходов на погребение А. Вешнякова отдельной строкой значится: «всем янычарам иностранных министров (послов. — К.П.), бывшим на погребении, дано по левку, итого — 25 левков»⁴⁹. В одном из осенних донесений А. Обрескова передается драматическая история двух русских военнопленных (солдата ярославского полка и казака полтавского полка), которые в плену были обрезаны и, по мнению османской стороны, не подлежали возвращению в Россию. Один анатолийский турок в расчете на вознаграждение выкрал их у хозяев и привел в российскую миссию. Однако прежний хозяин, прибыв в Стамбул, сумел с помощью охранника-янычара выманить из миссии своих пленников и схватил их. Последовали тяжелые разбирательства российских дипломатов с Высокой Портой, обрезаны пленные или нет. С большим трудом их удалось вернуть, а янычар, способствовавший похищению пленников, был уволен

⁴² Там же. 1742 г. № 33. Л. 2 об. — 3.

⁴³ Там же. 1745 г. № 6. Л. 100.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 280 об.

⁴⁶ Там же. Л. 220 об.

⁴⁷ Там же. Л. 22.

⁴⁸ Там же. Л. 100.

⁴⁹ Там же. Л. 132.

из охранной службы⁵⁰. Таким образом, руководство миссии по крайней мере могло влиять на состав янычарской стражи.

Конечно же, персоналом миссии не исчерпывалась русская община Стамбула. В нее входили и купцы, приезжавшие по торговым делам, и паломники, направлявшиеся к святым местам. Резидент взаимодействовал с ними, в частности переправлял через купцов не самую секретную корреспонденцию⁵¹, однако никакой статистики состава и численности русских, находившихся в османской столице, в посольской документации не имеется.

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ МИССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АЛЕКСЕЯ ОБРЕСКОВА

Преемники А. Вешнякова, управлявшие миссией после его смерти, направили в Петербург свои расчеты дневной стоимости «столовых припасов» для персонала при условии жесткой экономии («по последнему самому нужному расположению»). Любопытно посмотреть, каким им представлялся столовый рацион и другие ежедневные нужды подчиненных и подопечных. Излишне говорить, что стол руководства миссии должен был отличаться от пищевого довольствия низшего персонала и obsługi, но у нас нет возможности определить эту разницу. Поэтому мы можем лишь попытаться реконструировать рацион среднего статистического члена миссии, понимая всю условность этих усредненных показателей.

В списке необходимого продовольствия указаны предполагаемые расходы на покупку тех или иных продуктов, но не всегда приводится их вес и другие параметры. Поэтому, когда там фигурирует хлеб на общую сумму полтора левка, мы не знаем, сколько лепешек можно было купить на эти деньги. Можно лишь предположить, что достаточно много, и хлеб, что неудивительно, выступал одним из основных компонентов питания русских в Стамбуле.

Рыбы предполагалось закупать на 30 пара, но ввиду разброса цен на разные сорта морепродуктов, конкретная стоимость тех или иных видов рыбы не указана. Больше определенности с мясом: стоимость одного окка (1,282 кг)⁵² говядины составляла пять пара, в день планировалось брать три окка, итого на 15 пара. Баранина стоила дороже — шесть пара за окка (в реальности еще дороже — семь-восемь пара, как явствует из дальнейшей отчетности); дневное потребление тоже оценивалось в три окка. Кроме того, отдельной строкой шли два чыпленка, в сумме — восемь пара, из чего видно, что куриное мясо было не дешевле говядины⁵³. Оно, похоже, рассматривалось как диетический продукт не для всеобщего потребления. Таким образом, на прокорм четырех десятков человек в день предназначалось порядка восьми килограммов мяса (или в среднем около 200 г на человека), не считая рыбы и птицы. Как представляется, это достаточно много, тем более если сравнить с питанием податных сословий в Российской империи, где мясо было роскошью.

Заметно дороже мяса обходилось «масло деревянное», т.е. оливковое, — 27 пара за три окка. Необходимой частью рациона считался также уксус (1 окка за 4 пара), а также различные овощи и зелень — салаты, сельдерей, петрушка, репа, морковь и др. На каждый из продуктов предполагалось тратить два-три пара в день (вес товара при этом не указан). Странно, что нигде не упоминается крупа. Возможно, в миссии хранились оптовые запасы круп, которых должно было хватить надолго, и в расчетах текущих расходов они не фигурируют. Итого, общая стоимость продовольственного минимума составляла четыре левка 16 пара в день (напомним, один левко/куруш состоял из 40 пара)⁵⁴.

Но это не считалось достаточным. Составители счета не могли отказаться от вина — его требовалось 20 окка в день (при стоимости три пара за окка). Несколько непривычная практика измерения жидкости в категориях веса, а не объема, позволяет тем не менее говорить, что на каждого сотрудника миссии должно было приходиться около 600 г вина

⁵⁰ Там же. Л. 156–158.

⁵¹ Там же. Л. 19.

⁵² Об османских весовых единицах см.: Аграрный строй... С. 200, 204–209.

⁵³ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 222.

⁵⁴ Там же.

в день. Дневной расход кофе оценивался в сто драхм (дирхемов), т.е. 315 г (по 7,5 г на человека), — это стоило в сумме 32 пара. Также предполагалось брать на 20 пара в день сахара (вес не вполне ясен), три окка свеч на один левок 14 пара, два окка мыла (20 пара), 100 окка древесного угля (1 левок) и 2 кинтара (112 кг) дров за 1 левок 6 пара. В целом ежедневные издержки прогнозировались в сумме 11 левков 8 пара⁵⁵.

Судя по пометкам в тексте счета, его, как и прочую посольскую корреспонденцию, просматривал сам канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. Рядом с итоговой цифрой расходов он поставил коричневым карандашом пометку «NB» (*Nota bene* — лат. «заметь хорошо»), а против строк с расходами на вино и мыло — крестики. Возможно, канцлер посчитал эти затраты неоправданно раздутыми.

Зная стоимость говядины и баранины в османской столице середины XVIII в., а также дневной рацион миссии, мы можем подсчитать, за какое время накопились те «партикулярные» долги, которые обременяли российское представительство к моменту кончины А. Вешнякова (см. выше). Если тратить на говядину 15 пара в день, то долг в 287 левков набегит за 712 дней, т.е. почти за два года. Если сделать поправку на церковные посты, когда мясо не покупали, то срок образования долга увеличится еще на несколько месяцев. За это время персонал миссии съел около 2850 кг говядины. По накоплению задолженности за баранину цифры выходят примерно такие же. Остается удивляться долготерпению мясников и рыбаков, столь продолжительное время обслуживавших российскую миссию в кредит.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК СТАМБУЛА ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1745 года

В документации, поступавшей из Стамбула в Коллегию иностранных дел, содержатся «рописи» ежедневных расходов миссии после смерти А. Вешнякова — помощники покойного резидента, как уже говорилось, боялись материальной ответственности и вели скрупулезный перечень затрат на питание и другие повседневные нужды. Из этих десятков листов нами были выбраны для анализа записи за периоды: 30 июля — 6 августа, 1—2 октября и 1—2 ноября 1745 г.⁵⁶ Что дает эта информация?

Прежде всего, она содержит более подробные и приближенные к реальности данные о кулинарной культуре русской общины Стамбула в сравнении с рассмотренными выше примерными оценками расходов на питание. Как правило, руководству миссии удавалось оставаться в рамках планируемых расходов: шесть — шесть с половиной пара в день. Номенклатура покупок в целом была однообразна.

В «рописях» детально перечисляются сорта рыбы и морепродуктов, закупувавшихся для миссии. Не всегда, к сожалению, можно эти сорта идентифицировать — записи часто неразборчивы или же указывают греческие названия пород рыб и моллюсков, малопонятные российскому читателю. Расходы опять же иногда указываются без уточнения веса приобретенного товара. Чаще всего фигурирует кефаль (в одном месте говорится о покупке 28 рыбин за 1 левок и 2 пара, в другом — 20 кефалей за 35 пара, трех рыб за 4 пара или 20 — за 15 пара). Как видно, цена кефали очень сильно колебалась в зависимости от размеров тушки. Можно упомянуть также «морских раков» (крабов?) — 10 пара за сто штук, мидий (200 шт. за 4 пара, в другой раз — за 6), устриц, ставрид, сельдей (сразу 400 шт., видимо, соленых). Не очень поддаются идентификации луфарсы, каганусы (8 пара за 100 шт.), этеринисы (14 пара за три с половиной окка), экривисы, эрины, барбони, «4 рыбы харрагус называемые» за 15 пара и т.д. Рыбу и морепродукты закупали в среднем через день, но в эти «рыбные» дни мясо покупали тоже.

Обращает на себя внимание, что представители персонала миссии полностью восприняли кулинарные привычки окружающего населения. Как думается, питание русских в Стамбуле мало отличалось от рациона местных греков. Это выглядит достаточно контрастно с отношением к средиземноморской кухне полувеком раньше русского паломника-писателя

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 263—269, 280—281, 291—294 об.

Ивана Лукьянова, точно так же долго жившего в Стамбуле, но не сумевшего побороть в себе безразличность к морепродуктам. Во время трапезы на подворье иерусалимского патриарха в Стамбуле греческий игумен спрашивал паломника: «Для чего де не ешь раков и мяса, что в раковинах...? И я ему молвил: у нас мол это гнусно, и обычая такового нет, чтоб нам есть; так мол мне смердит»⁵⁷.

Что касается мяса, то его брали заметно больше, чем указывалось в предварительных расчетах, — и шесть, и десять окка в день. Кроме того, регулярно покупали мясные субпродукты — бараньи ноги (по цене три пара за 12 шт., шесть — за 18), «потрох», голова, рубец, «голова и ноги телячьи». Если говяжьи ноги могли идти на холодец, то из остальных субпродуктов, видимо, варили бульон. Изредка брали и свинину, причем она стоила в разы дороже другого мяса — 12 пара за окка⁵⁸. Периодически покупали курятину; цыпленок стоил три-четыре пара, курица — шесть-семь пара. Похоже, мясо птицы считалось роскошью: лишь один раз цыплят взяли сразу два десятка, видимо, на общий стол. В остальных случаях их покупали по две-три тушки за раз, явно для «избранных». Иногда «роспись» уточняет, что курица была куплена для одной из женщин, «лежащей в болезни», «два цыпленка для детей», «1 курица для госпожи»⁵⁹.

«Госпожа» — это вдова А. Вешнякова. Похоже, она была весьма требовательна по части питания, и в документах периодически фигурируют то «12 апельсинов для мадамы», то одно окка «груш для мадамы», то данный ей заем в несколько пара, и постоянно — куры «для госпожи»⁶⁰.

Составляя роспись предварительных расходов на питание миссии, ее авторы забыли про яйца и молоко, которые, однако, приходилось покупать почти каждый день. Молоко стоило по 3 пара за окка, и его брали сразу четыре-шесть окка, явно, для всего персонала, в другие дни — по одному окка. Цена на яйца сообщается один раз: в начале ноября сотня яиц в Стамбуле стоила один левка⁶¹.

Крупой руководству миссии тоже пришлось озаботиться, хотя она и отсутствовала в планах закупок. В первый же день было приобретено впрок 20,5 окка «сарачинского пшена», т.е. пшенки, общей стоимостью в два левка 20 пара (т.е. окка стоило пять пара). Риса ели, похоже, меньше, хотя он стоил примерно столько же (1 октября было закуплено пять окка риса за 28 пара)⁶².

Посольская документация позволяет также составить представление о сортах зелени, овощах и фруктах, доступных в османской столице в этот период. Летом каждый день брали арбузы (по пять-шесть, ценой в два пара за штуку или чуть меньше), две-три дыни по одному пара, а также лук, петрушку, хрен, салат, редьку, баклажаны, лимоны (обычно без подробностей, но в одном месте уточняется, что за 30 лимонов уплатили 5 пара). В октябре-ноябре арбузы и дыни пропадают, но в расходных записях появляются яблоки, капуста, шпинат, оливки (пять окка черных оливок за два пара). Виноград («винные ягоды») в августе шел по цене два пара за один окка, изюм — по два-три. Виноград был доступен и осенью, в октябре — за ту же цену, в ноябре — чуть дороже. Виноград, яблоки и груши стоили примерно одинаково — два пара за окка.

Отдельно следует сказать об алкоголе. 6 августа была закуплена оптом 181,5 окка вина по цене три пара за окка⁶³. Его держали в бочках, которые приходилось поддерживать в рабочем состоянии — так, 2 октября было потрачено 8 пара на починку двух винных бочонков⁶⁴. Обитатели миссии не отказывали себе и в крепком алкоголе — одновременно с вином

⁵⁷ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 2. Стб. 141.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 293 об.

⁵⁹ Там же. Л. 291 об., 294. Среди других птиц изредка упоминаются голуби (6 голов за 18 пара) и рябчики (2 за 18 пара). Там же. Л. 281, 294 об.

⁶⁰ Там же. Л. 265, 267, 267 об.

⁶¹ Там же. Л. 293 об.

⁶² Там же. Л. 263, 280.

⁶³ Там же. Л. 267 об.

⁶⁴ Там же. Л. 280 об.

была приобретена «бутылка водки для домашних» стоимостью 9 пара. Неясно, за какое время они опустошили эту бутылку, но даже случайная выборка ежедневных трат позволяет периодически наталкиваться на схожие покупки. Так, 2 ноября фигурирует еще одна окка водки (почему-то указанная одной строкой с 25 канцелярскими перьями — в сумме за все это отдали 22 пара)⁶⁵. На соседнем листе еще раз фигурируют 25 перьев за 10 пара, что позволяет оценить стоимость окка водки (точнее, видимо, ракии) в 12 пара, а объем вышеупомянутой бутылки за 9 пара — приблизительно 0,7 л.

Из других напитков в отчетах регулярно фигурирует кофе. Его, похоже, старались брать оптом, это выходило дешевле. Так, 30 июля удалось купить пять окка по цене за окка 112 пара или 2 левка 32 пара; в другой раз, покупая одно окка, пришлось отдать 3 левка 13 пара. 1 ноября, похоже, кофе в миссии закончился, и было срочно куплено 100 драм (дневной расход) этого товара за 34 пара⁶⁶. 100 драм — это 1/4 окка. Таким образом, за окка пришлось бы отдать 136 пара (3 левка 16 пара).

Сахара потребляли немного, и он был дорог: окка «ординарного сахару» стоило один левок или чуть больше. За весь рассмотренный период сахар покупали лишь дважды по одному окка⁶⁷, что представляется мизерным, если разделить на сорок человек, кормившихся при миссии.

В расходных записях начала августа почему-то отсутствует оливковое («деревянное») масло (оставались старые запасы?). В осенних «рописях» закупки масла фигурируют, причем оно стоило несколько дешевле летних ожиданий: восемь с половиной окка за 1 левок 28 пара, шесть окка и 350 драм за 1 левок 17 пара⁶⁸.

Помимо этого, ежедневно покупали, естественно, хлеб и время от времени муку (10 окка за 23 пара) и соль (10 окка за 13 пара)⁶⁹. Ассортимент товаров этим не исчерпывался, но прочие покупки были единичными.

Расходы миссии, впрочем, не ограничивались закупками продовольствия. Для кухни нужно было топливо, и периодически приходилось покупать уголь и дрова. Тут счет шел на возы (стандартная цена — 25 пара за воз угля), хотя один раз приводится точный вес товара: «пять телег угля весом 452 окка», что обошлось в 4 левка 20 пара⁷⁰. То есть за один пара можно было купить два с половиной окка древесного угля, а в арбу насыпали чуть менее 100 кг груза.

Постоянно приходилось нести транспортные расходы — плату носильщикам, лодочникам. Причем цена за проезд в шлюпке по одному и тому же маршруту могла в разные дни заметно колебаться.

Из непродовольственных товаров самым частотным были свечи. Их покупали килограммами один раз в несколько дней. 1 октября была осуществлена закупка свечей в объеме 258 окка. Цена могла колебаться на порядок в зависимости, конечно, от размеров свечи — от одного-двух до 11-12 пара за окка⁷¹. Изредка покупали перья (как уже говорилось, 25 перьев стоили 10 пара), песок, бумагу для канцелярских нужд. Десть бумаги (т.е., видимо, большой лист *in folio*) стоила восемь пара⁷². Были разовые траты — например, замена лошадиной подковы (20 пара)⁷³. Любопытная статья расхода встречается 2 ноября: «червонец неполновесной, 5 пара»⁷⁴. Т.е. кто-то всучил сотрудникам миссии неполноценную

⁶⁵ Там же. Л. 292.

⁶⁶ Там же. Л. 263, 291 об., 292.

⁶⁷ Там же. Л. 269, 293 об.

⁶⁸ Там же. Л. 280, 291 об.

⁶⁹ Там же. Л. 280 об., 291, 292 об.

⁷⁰ Там же. Л. 267 об., 291 об.

⁷¹ Там же. Л. 263, 266 об., 280, 291 об.

⁷² Там же. Л. 291 об.

⁷³ Там же. Л. 265 об.

⁷⁴ Там же. Л. 292 об.

монету, что привело к убытку в 5 пара. Малая репрезентативность выборки не позволяет судить, сколь часто в обороте попадались фальшивые монеты.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Кончина в июле 1745 г. резидента Алексея Вешнякова и страх его помощников перед материальной ответственностью дали в руки историков уникальный материал о казенном имуществе российской миссии в Константинополе и ее повседневной жизни, прежде всего расходах на питание сотрудников.

Среди прочего обращает на себя внимание недостаточное финансирование дипломатического представительства — поношенные камзолы, ломаная мебель, драные скатерти и хроническая невыплата жалования низкоранговым сотрудникам, а также пустая казна, вынуждавшая резидента и его преемников влезать в долги. Дальнейшие архивные изыскания — уже в материалах непосредственно петербургской КИД, — возможно, позволят пролить свет на то, выделялись ли в принципе положенные миссии деньги, а если выделялись, то на каком этапе разворачивались.

Мы имеем относительно подробную информацию о лицах, живших при миссии. Из этих 42 человек примерно треть составляли члены семьи, домочадцы, слуги, приживалки самого резидента. Из собственно персонала миссии почти половина относилась к категории «переводческих дел учеников», сильно различавшихся по возрасту, статусу и роли в дипломатической работе.

«Росписи» ежедневных расходов конца лета — осени 1745 г. дают возможность также составить представление о кулинарной культуре русской колонии в Стамбуле и, шире, о состоянии продовольственного рынка османской столицы, покупательной способности денег, доступности тех или иных продуктов. Как правило, это достаточно редкая информация. Если для сравнения обратиться к арабо-османским летописям, создававшимся в Сирии в это же время, то там можно встретить только сведения о ценах на товары первой необходимости, как пшеница, и то лишь в голодные годы. Летописцы считали нужным зафиксировать пугающие скачки цен, но не так просто понять, какова должна была быть нормальность с точки зрения обывателя стоимости пшеницы. Авторы источников, как уже говорилось, не считали нужным писать о всех известных подробностях повседневной жизни — их можно найти только у иностранных наблюдателей.

Тема культуры повседневности является очень востребованной в современной науке, а архивные материалы российской миссии в Стамбуле хранят массу не введенной в научный оборот информации, затрагивающей самые разные стороны повседневной жизни османского и российского обществ XVIII столетия.

Библиография

Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы // сост., пер. и комм. А.С. Тверитиновой. М., 1963.

Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

Мейер М.С. О состоянии денежной системы Османской империи (по донесениям А.А. Вешнякова) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2 / под ред. В.В. Волгина. М., 1994. С. 248–261.

Панченко К.А. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008

Панченко К.А. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766 г.) и Россия. Непонятый союзник // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 406–423.

Панченко К.А. «Приятель наш мulla». Русская разведка в Османской империи в середине XVIII века // Родина. 2011. № 12. С. 73–77.

Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 2. Стб. 113–159.

References

Agrarnyi stroi Osmanskoi imperii XV–XVII vv. Dokumenty i materialy [The Agricultural System of the Ottoman Empire in the 15th and 17th cc. Documents and Materials] / sost., per. i komm. A.S. Tveritinovoi. Moskva, 1963. (In Russ.)

Kirillina S.A. “Ocharovannye stranniki”. Arabo-osmanskii mir glazami rossiiskikh palomnikov XVI–XVIII stoletii [“Charmed Travelers”. The Arab-Ottoman World in the Eyes of Russian Pilgrims of the 16th–18th Centuries]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Meyer M.S. O sostoyanii denezhnoi sistemy Osmanskoi imperii (po doneseniim A.A. Veshniakova) [The monetary system of the Ottoman Empire (according to reports of A.A. Veshn’akov)] // Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie [The Studies of Oriental Historical Sources]. Vyp. 2 / pod red. V.V. Volgina. Moskva, 1994. S. 248–261. (In Russ.)

Panchenko K.A. Geopolitika Alekseia Veshniakova: mysli rossiiskogo rezidenta v Stambule 1740-kh gg. [Alexey Veshnyakov’s Geopolitics: Thoughts of a Russian Resident in Istanbul in 1740s] // Istoricheskii vestnik [The Historical Reporter]. 2019. T. 30. S. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008 (In Russ.)

Panchenko K.A. Ierusalimskii patriarkh Parfenii (1737–1766 g.) i Rossiia. Neponiatyi soiuznik [Patriarch of Jerusalem Parthenios (1737–1766) and Russia: The Neglected Ally] // Panchenko K.A. Pravoslavnye araby: put’ cherez veka [The Orthodox Arabs: The Way Through Centuries]. Moskva, 2013. S. 406–423. (In Russ.)

Panchenko K.A. “Priiatel’ nash mulla”. Russkaia razvedka v Osmanskoi imperii v seredine XVIII veka [“Our Friend the Mullah”. Russian Intelligence in the Ottoman Empire in the mid-18th Century] // Rodina [Motherland]. 2011. № 12. S. 73–77. (In Russ.)

Puteshestvie v Sviatuiu zemliu sviashchennika Luk’ianova [Pilgrimage to the Holy Land of priest Ioann Lukyanov] // Russkii arkhiv [The Russian Archive]. 1863. Vyp. 2. Stb. 114–159. (In Russ.)